Как приезжал к нам Джон Стейнбек

Было это ровно три десятилетия назад, и я, конечно, не вспомню бы и десятой доли подробностей, если бы не сохранившийся корреспондентский блокнот, густо исписанный от первой до последней страницы. Шутка ли! К нам приехал сам Стейнбек — один из трех ведущих современных писателей Соединенных Штатов Америки. В ту пору литературные критики всего мира дружно и безоговорочно называли эту великолепную тройку — Эрнест Хемингуэй, Уильям Фолкнер, Джон Стейнбек. Все трое — Нобелевские лауреаты разных лет. Первым двоим к тому времени уже из жизни (один — по своей воле — в 1961 году, второй — год спустя), как бы оставив Стейнбека в одиночестве...

Кем он только не был перед тем, как стать всемирно известным романистом! Матрос, чернорабочий, шофер почтовой машины, сторож, репортер, ученик в университете на биологическом, работал на стройке и на ферме.

Первый литературный успех принесла ему в 1937 году повесть «О мышах и людях», сразу ставшая бестселлером. Два года спустя пришла настоящая слава — роман «Гроздья гнева» по силе воздействия на читателей и популярности в обоих полушариях сравнивали с твеновскими «Приключениями Гекльберри Финна», иногда — с «Хижиной дяди Тома». В 1940 году Стейнбек становится лауреатом весьма престижной литературной премии имени Пулитцера. Во время второй мировой войны — военный корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», потом он издает фронтовые очерки и статьи отдельной книгой под хорошим названием «Однажды была война». В 1960 году заканчивает роман «Зима тревоги нашей», через два года получает Нобелевскую премию. В решении Нобелевского комитета подчеркивалось, что писатель «...всегда выступает на стороне угнетенных, обиженных и бедствующих. Он противопоставляет простые радости жизни грубому и циничному стремлению к наживе».

Я позволил себе бегло напомнить творческий путь писателя, потому что в Советском Союзе он многие годы был запрещен (об этом я расскажу ниже), и боюсь, что целому поколению молодых читателей его имя мало что говорит. А ведь у него вышло более 30 книг. Лучшие из них считаются современной классикой.

И вот — октябрь 1963 года. Звонок из редакции «Литературной газеты». Завтра в Киев приезжает Джон Стейнбек. В Москве наши, к сожалению, не успели взять интервью. По программе после Киева последуют Ереван и Тбилиси, но там его наверняка зальют (так сказали) коньяком и с интервью снова ничего не получится. Поэтому вся надежда на Киев, тем более, что будет там несколько дней. Не отходить от него ни на шаг. Все записывать. Задать несколько интересных вопросов, один — обязательно о судьбе романа как жанра, его мнение. Репортаж с небольшим интервью передать прямо в номер. Теперь ясно, почему у меня полный блокнот записей?...

Разумеется, чистая случайность — то, что он приехал к нам за несколько дней до празднования 20-летия освобождения Киева от гитлеровских захватчиков, но в связи с приближением круглой даты то и дело вспоминалась минувшая война и трудные послевоенные годы. Досадовать вдруг Стейнбеку тоже есть, что вспомнить:

— Микола Бажан, у которого мы были сегодня дома на заседании, показывал мне фотографии разрушенного и горящего Киева, каким он его увидел в ноябре 1943 года. А у меня навсегда остался в памяти Киев 1947 года, — сказал он. — Это был грязный город, очень измученный войной. В воздухе, казалось, еще носился запах смерти. Всюду черненькие развалины. Но еще страшнее — темные лица людей. В тот первый мой приезд вся лица киевлян казались мне одинаковыми — на них еще оставались следы пережитого горя...

Джон Стейнбек произнес эти слова медленно, с болью человека, понимающего, какие страдания перенесли здесь люди. Рассказал, как 16 лет назад его привезли в каждое село под Киевом. Вечером заглянули в колхозный клуб, где танцевала молодежь. Но только один девчта, друг с дружкой, «А где ее парни?» — подумал Стейнбек, хотел спросить, но остановился на полуслове: где парни — они лежат в земле... Так он тогда и описал эту сценку в одном из своих репортажей, а сейчас как бы сама выплыла из памяти и, нужно признать, тронула всех присутствующих. Вообще гость вел себя очень свободно и раскованно, с подчеркнутым желанием как можно лучше понять и как можно больше узнать. Это проявлялось буквально на каждом шагу.

В театре имени Ивана Франко он по просьбе гостя должен был посмотреть начало спектакля «У неділю рано зілля копала» — один только первый акт, так сказать, для общего представления, но его так увлекло это глубоко национальное произведение и дама музыка украинской речи, что несмотря на незнание языка, он изъявил желание досмотреть спектакль до конца, заинтересовался автором и искренне обрадовался, когда на следующий день ему преподнесли повесть Ольги Кобылянской, по которой франковцы поставили «Всесвіт» Полторацкий. — Мы без коллектива не мыслим своего существования.

Стейнбек же, как бы подлила масла в огонь, пошел еще дальше, утверждая, что писательство — дело сугубо индивидуальное и он вообще не понимает, зачем писателям нужен этот Союз писателей?

Боже, что тут началось! Заговорили все разом. Признаться, смешно было наблюдать, с каким испугом воспринимались крамольные по их понятиям фразы Стейнбека самыми «правильными» участниками писательской встречи. Скажем, разговор об абстрактном искусстве. Обыкновенные слова Стейнбека звучали вызовом, но назвать все это дискуссией невозможно. Оппоненты выступали, выражаясь спортивным языком, в разных весовых категориях. Имеется в виду, разумеется, вес писательский. С одной стороны слегка окомелевший, снисходительно ухмыляющийся заосаженный классик, привыкший к диспутам и полемике в любых условиях, с другой — красневшие от волнения литературные функционеры, просто обязанные (все по той же линии парткома) отстаивать незыблемые принципы соцреализма от усилий идеологически незрелого американца. В роли хозяина «круглый стол» (на самом деле, овальный) вел руководитель Союза писателей Украины Олесь Гончар. Сам он в полемику почти не вмешивался, но отдельные высказывания гостя изредка поддерживал. Например, нашумевший ответ Джона Стейнбека на вопрос, верит ли он в будущее Америки?

— Если бы я не верил в будущее Америки, я перерезал бы себе горло! — не раз повторял американский писатель, которому чувство патриотизма никогда не мешало критически относиться к собственной стране.

Отталкиваясь от слов гостя, Гончар сказал, что они его буквально потрясли:

— Их мог произнести только настоящий сын Америки, только человек, для которого судьба собственного народа, собственной родины дороже всего. И я думаю, что каждый из нас мог бы сказать: если бы мы не верили в будущее своего собственного народа, своей страны, то вряд ли стоило бы жить!

Произнес это Гончар так убежденно и проникновенно, столь многозначительно подчеркивая каждое слово, будто хотел дать понять, что под именем родины и народа понимает не весь «союз нерушимый» и не то, что вскоре получит безликое название «новой исторической общности», а просто Украину и родной свой народ. Вроде бы, нормально, но думать так не полагалось, еще свежи были уроки Соскорм, битого за «Любіть Україну». В те времена такие естественные чувства приходилось вкладывать в подтекст, произносить намеком...

Позже Олесь Терентьевич не раз говорил мне, как понравился ему американский писатель, как он тепло обо мне и о нем рассказывал дома обед отдельно Гончар и отдельно Корнейчук) они быстро нашли с Джоном общий язык.

На встрече в Союзе писателей мэтр с подчеркнутой симпатией общался с молодыми, старался вовлечь их в разговор, с хитрой улыбкой заметил, что, к сожалению, не знает стихов Ивана Франко, но тут чем-то напоминает ему молодого Тараса Шевченко, а про Гуцало сказал: «Мне нравится лицо этого парня — в вижу в нем бунтарь». Очень был обеспокоен гость тем, что на встрече так и не появился Виктор Некрасов, которого, как ему объясняли, тоже вроде пригласили. Тот год был тяжелым для Виктора Платоновича: в январе появилась в «Известиях» недобрая памяти реплика «Турист с тросточкой», в марте — яростные нападки из Москвы лично главы государства, самого Никиты Сергеевича, в апреле в здании Верховного Совета Украины состоялся республиканский актив, на котором Некрасову угрожал первый секретарь ЦК Подгорный, а как раз в дни, когда у нас находился Стейнбек, автора «В окопах Сталинграда» прорабатывали на уровне киевского горкома и Ленинского райкома партии.

Когда встреча почти подходила к концу, в конференц-зале на втором этаже появился, наконец, Виктор Платонович. Возникло оживление. Едва познакомившись, Некрасов и Стейнбек затеяли какую-то только им понятную игру, перебрасывались малоозначащими фразами в таком темпе, словно играли в пинг-понг. У меня так и записано в блокноте:

«Стейнбек: — Я рад, что вы здесь. Я привез вам привет...

Некрасов: — От кого?

С.: — От Эренбурга.

Н.: — Приехать из Америки, чтобы привезти привет от Эренбурга?

С.: — Я давно уже из Америки и совсем недавно от Эренбурга.

Миссис Эйлин Стейнбек (Некрасову): — А откуда вы приехали?

Н.: — Из Борисполя, где вы будете завтра...»

Потом разговор снова принял общий характер — с шутками и остротами, под рюмки и тосты, пока вдруг Стейнбек не сказал:

— Я устал вести мяч и хотел бы его кому-нибудь отпасовать...

Вскоре после этого началась, как писали